

УДК 81.26
ББК 81.006

А.А. Боровкова

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
«ЧИТАТЕЛЬ – ПЕРСОНАЖ»
КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ
КАТЕГОРИИ
ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОСТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ**

Детально анализируется суждение, сделанное в рамках когнитивных теорий, согласно которому читательские знания о повседневной реальности оказываются центральным механизмом осознания образов персонажей в художественном тексте. В этой связи обсуждается проблема репрезентации и осмысливания образов персонажей в художественном повествовании в аспекте психологических механизмов воздействия авторских воображаемых миров на сознание читателя. Исследовательское внимание фокусируется на четырех аспектах читательского осознания образов персонажей в художественном повествовании сквозь призму таких прагматических факторов, как повествовательная ситуация, жанр повествования и интертекстуальная характеристика. Данные факторы являются своего рода конвенциями, на которые полагаются автор и читатель в ходе установления интерперсонального контакта на уровне порождения и восприятия художественного повествования.

Ключевые слова: *художественное повествование, интерперсональность, автор, персонаж, читатель, воображаемая / объективная реальность, возможные миры.*
DOI: 10.18522/1995-0640-2017-1-69-75

Боровкова Анастасия Андреевна – аспирант кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-904-444-21-40
E-mail: anastasia.borovkova@yandex.ru

© Боровкова А.А., 2017.

В процессе постижения и интерпретации художественного текста читатель полагается на общий фонд своих знаний. В современных изысканиях, освещающих актуальную проблематику лингвистики текста, данное теоретическое положение становится объектом особых споров. Наиболее интенсивно развиваемые подходы к анализу указанного положения предполагают решение таких вопросов, как имплицуемый автор и имплицуемый читатель, уместный исторический контекст производства и восприятия повествования [Ласкова, Земляная, с 178–179]; при подходах, которые разрабатываются с опорой на теорию возможных миров, исследователи фокусируют внимание на многоуровневых взаимоотношениях между реальными и виртуальными мирами в рамках художественного текста [Азарова, Кудряшов, с. 937]; когнитивные теории концентрируются на ментальных моделях и схемах образов, которые непосредственно базируются на читательских представлениях о повседневном функционировании языка, концептуальных системах, объективируемых в сознании адресата текста [Кочетова, с. 161].

Ментальные репрезентации художественного дискурса формируются в сознании читателя в процессе мыслительного соотношения воспринимаемой информации с некоторой ситуацией из реального мира, которая хорошо знакома адресату. Читатель, таким образом, делает умозаключения и ментально реконструирует образы персонажей на основе своих общих знаний о повседневных объектив-

ных ситуациях. В более детальном виде данный процесс включает в себя распознавание типических ролей персонажа в не менее типических сценариях ситуаций, о которых читатель в полной мере осведомлен, исходя из своих представлений об объективной реальности. Подобные сценарии представляют собой гибкие ментальные конструкции, которые избирательно активируются в процессе постижения текста и могут быть «подогнаны», отрегулированы или заменены другими сценариями, если в тексте объективируется новая информация, противоречащая уже усвоенной.

Некоторые роли персонажей проявляют зависимость от разворачиваемого в тексте сценария, другие роли – в частности, исполняемые главным героем, – не предопределяются сценарием, оказываются нетипическими. Роли главных героев художественного повествования, как правило, не вписываются в типичные представления о жизнедеятельности и эмоционально-волевых проявлениях человека в повседневности, что, в свою очередь, становится основой оригинальности сюжетной линии повествования (ср., например, роли «украинского героя-персонажа» Бориса в романе Д. Тартт «Щегол», который в юном возрасте злоупотребляет алкоголем и захлеб читает Достоевского). Привилегированный статус главного героя в художественном тексте преимущественно отражается в том факте, что он оказывается одновременно задействованным во многих типах деятельности, берет на себя роли в самых разнообразных сценариях, проявляя при этом психологическую глубину и богатый внутренний мир.

Другими словами, разграничение ситуативно-зависимых и ситуативно-независимых объектов повествования в значительной степени совпадает, с одной стороны, с традиционным подразделением этих объектов на героев и персонажей второго плана и, с другой стороны, многомерных и одномерных персонажей второго плана. В рамках данной модели многомерные персонажи выявляют значительную психологическую глубину, предрасположены к многочисленным изменениям в ходе развития повествования.

Указанные выше разграничения имеют непосредственное отношение к реальной действительности, к ситуациям из объективной повседневности. В рамках этих ситуаций индивиды воспринимаются и анализируются, в том числе, с опорой на определенные сценарии, а нетипичное вербальное и невербальное поведение, не поддающееся однозначному объяснению с точки зрения общепринятых сценариев, вне всяких сомнений, притягивает пристальное внимание стороннего наблюдателя. Воспринимающим «Я» «Другой» стереотипизируется и категоризируется в повседневных ситуациях точно так же, как персонажи порождаются и распознаются в условиях художественного повествования.

В этой связи неизбежно возникает вопрос: являются ли процессы стереотипизации и категоризации в художественном повествовании и реальной жизни сходными? Мы полагаем, что на данный вопрос следует дать отрицательный ответ. Принимая на себя ситуативно-зависимые

роли, реальные индивиды не обнаруживают себя в повествовательных пространствах, не выполняют специфические нарративные функции, предопределяемые сюжетным строением произведения. Понятия «главный герой» и «второстепенный персонаж» базируются на перспективе восприятия целостного текста, что дает возможность читателю осуществлять оценку значимости роли, характерной для конкретного действующего лица. Другими словами, общеизвестно и вполне ожидаемо, что разным действующим лицам уделяется разное внимание, эти лица занимают разное пространство в сюжетном развитии текста, разворачивании того или иного сценария или последовательности ситуаций.

Выдвинем гипотезу, которая потребует дальнейшего подтверждения на разностороннем материале художественных повествований, согласно которой выявление главных и второстепенных персонажей, «героев» и «злодеев», как и других ролей, присущих действующим лицам, осуществляется читателем с учетом анализа конкретной модели и сюжетной линии повествования, а не с опорой на знания ситуаций из объективной действительности. Значимые параллели, связи, контрастность и разнообразные иерархии между персонажами также функционируют как элементы повествовательной композиции.

Роли персонажей могут приобретать тематическую функцию: действующим лицам приписываются те или иные моральные категории, они участвуют в разворачивании сюжетной линии повествования на фоне тематического контраста по отношению друг к другу [Скнар, с. 132]. Трудно объяснить, как подобные композиционные функции соотносятся с объективными повседневными ситуациями. Реальные индивиды имеют возможность выражать идеи в конкретной повседневной ситуации, задействуются как, своего рода, символы для иллюстрирования добра и зла, стереотипы (консерватор, либерал, реформатор и т.д.). Однако все эти возможности не влекут за собой всеобъемлющего чувства целостного художественного текста, отдельно взятой повествовательной ситуации.

Повествовательная ситуация рассматривается нами как своеобразный мыслительный процесс, через который представляется рассказывание. Как эта ситуация воздействует на применение читателем своих повседневных знаний в отношении повествовательных голосов, озвучиваемых в тексте? В процессе постижения художественного произведения читатель автоматически заполняет «текстовые пробелы» своими фоновыми знаниями об объективном мире, даже если в сфере читательского внимания оказываются фантастические персонажи и миры. Между образами автора и рассказчика отсутствуют однозначные соответствия, т.е. автор не идентифицируется с рассказчиком, как и реальный читатель – с читателем имплицитным. Вместе с тем, в тексте могут содержаться показатели того, что в эмоциональном отношении автор в той или иной степени идентифицирует себя с рассказчиком [Коростова, с. 78].

Априорное признание отсутствия однозначных соответствий между данными субъектами, однако, не является препятствием для автора

или читателя, чтобы активно вовлекаться в акт верования в то, что ситуации, отображаемые в тексте, предстают достоверными. Роль рассказчика проявляется наиболее последовательно, когда повествование ведется от первого лица. Подобное повествование, как правило, инкорпорирует в себе элементы автобиографии, перемежающиеся с вымышленными фактами (см., например, роман П. Санаева «Похороните меня за плинтусом»). Проблема рассказчика встает наиболее остро в том случае, если художественное повествование строится как несобственно-прямая речь [Котельникова, с. 99]. В этом случае неявно озвучиваются голоса как рассказчика, так и персонажа, который приобретает ограниченную перспективу для высказывания, предопределяемую особым пространственно-временным контекстом.

В повседневных объективных ситуациях всеведущий рассказчик, конечно же, отсутствует. Рассказчик, обладающий исчерпывающей информацией о виртуальных событиях и мыслительной деятельности персонажей, ни в коей мере не принижает реалистичность отображаемых ситуаций, достоверность образа субъекта, ведущего повествования. В этой связи в лингвистике текста уделяется значительное внимание такой проблеме, как нарушение повествовательного стиля текста в результате многословности (т.е. паралепсиса) или недосказанности (т.е. паралипсиса). Нетипичный рассказчик обладает в художественном повествовании композиционной функцией, может быть рассмотрен как намеренный элемент текста, обладающего нетипичным характером [Иштоян, с. 165].

Художественный текст воспроизводит бесконечное многообразие гипотетических миров, в которые читатель сознательно и добровольно «окунается», преодолевая неверие в достоверность диктумного содержания. Вместе с тем, не все в тексте предстает гипотетическим, требующим полного принятия на веру: текст манифестирует воображаемые ситуации, которые в виртуальном мире повествования признаются истинными, но являются ложными в условиях объективного мира. Художественный текст может также потребовать от читателя «перегруппировки» своих знаний о гипотетичности: в читательском виртуальном мире гипотетические ситуации, вне всяких сомнений, отличаются от подобных ситуаций, проистекающих в мире реальном, «внедренные» в художественный текст миры, такие, например, как мечтания и фантазии персонажей, могут оказаться ложными в условиях объективной реальности.

Читатель с готовностью задействует свои знания объективной реальности в попытке осознать гипотетические ситуации, фиксируемые художественным текстом. При этом ограничения, обнаруживаемые в объективной реальности, могут стать приоритетными при интерпретации гипотетических ситуаций. С другой стороны, знание о закономерностях порождения художественного текста в сознании читателя могут «перекрыть» знания об объективной реальности.

Оптимальное восприятие образов персонажей в рамках художественной литературы предполагает, в том числе, интерпретацию информации интертекстуального характера. Данное проблемное измерение в характеристике персонажной зоны текста выявляет исследовательскую значимость нескольких аспектов:

– читательские знания о разновидностях ролей, исполняемых персонажами по мере развертывания художественного текста: миметические и тематические функции персонажей, их смысловая нагрузка в развитии сюжета, метатекстовые и поэтические функции (персонажи трактуются как автономные конструкты и одновременно как элементы поступательного разворачивания сюжетной линии повествования);

– читательское распознавание персонажных типажей (например, супергерой, сказочная принцесса и т.д.), которые известны адресату текста, исходя из предварительного знакомства с другими художественными текстами и литературными жанрами;

– читательское определение соответствия персонажей определенным моделям, значимых отношений контраста и сходства между этими моделями (например, модели реализуемые Михаэлом К. (из романа Дж. М. Кутзее «Жизнь и время Михаэла К.») и К. (из романа Ф. Кафки «Замок»), проявляют значительные черты сходства, что дает возможность рассматривать образ Михаэла К. сквозь интертекстуальную призму кафкианского образа К.; таким образом, читатель узнает о предшествующем «существовании» персонажа из интертекста, а знание модели является основанием понимания «новой версии» персонажа).

Таким образом, в результате проведенного теоретического исследования мы приходим к следующим выводам:

1. Художественный текст предстает для читателя стабильным источником пополнения знаний об объективной реальности. Объем знаний о реальных индивидах и воображаемых персонажах во многом может совпадать: социальные стереотипы со временем трансформируются в стереотипы литературные, образы персонажей и их типы задействуются для описания реальных индивидов.

2. Думается, что в данном случае актуальной проблемой оказывается определение того, как знания о литературных персонажах, их сознании и поведении формируют представления читателей о реальных индивидах в объективных повседневных ситуациях. Очевидно, что текстовой художественный универсум избирается читателем как один из фреймов референции в попытке осознать объективную реальность (в частности, когда читатель выступает сторонним наблюдателем ситуации, для анализа которой у него не хватает знаний, а поэтому он обращается к ирреальному миру того или иного художественного текста в целях заручиться оптимальной интерпретацией происходящего).

3. Текстовые художественные универсумы с неизбежностью задействуются читателями как дополнительный источник важной информации для осознания закономерностей функционирования реального

мира, что подчеркивает актуальность интерперсонального контакта между автором и читателем.

4. В процессе установления интерперсонального контакта между читателем и автором при интерпретации художественного текста читатель опирается на общий фонд своих знаний об объективном мире с целью обоснования гипотетических ситуаций, подведения этих ситуаций под определенный смысловой знаменатель.

Литература

Азарова О.А., Кудряшов И.А. Контрастивное взаимодействие образов автора и персонажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 936–942.

Иштоян К.Г. Проблема выявления точки зрения персонажа и повествователя в свете теории концептуальной интеграции // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. С. 164–172.

Коростова С.В. Эмотивно-оценочные смыслы в русском художественном тексте. Ростов н/Д., 2014. 224 с.

Котельникова И.В. Несобственно-прямая речь как форма коммуникативного взаимодействия автора, персонажа и читателя // Изв. Южного федерального ун-та. Филол. науки. 2012. № 3. С. 98–103.

Кочетова Л.П. Персонаж – читатель: когнитивные основания художественной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 160–163.

Ласкова М.В., Земляная А.С. Проблема рассказчика и имплицированного автора в современной лингвистике // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 176–184.

Скнар Г.Д. Принцип концептуального включения тематического компонента как авторская стратегия в художественном тексте // Изв. Южного федерального ун-та. Филол. науки. 2012. № 3. С. 131–135.

References

Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kontrastivnoe vzaimodejstvie obrazov avtora i personazha v hudozhestvennom tekste. *Kognitivnye issledovaniya jazyka*, 2016, no 25, pp. 936-942. (In Russ.).

Ishtojan K.G. Problema vyjavlenija točki zrenija personazha i povestvo-vatelja v svete teorii konceptual'noj integracii. *Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2011, no 6, pp. 164-172. (In Russ.).

Korostova S.V. *Emotivno-ocenochnye smysly v russkom hudozhestvennom tekste*. Rostov n/D., 2014. 224 p. (In Russ.).

Kotel'nikova I.V. Nesobstvenno-prjamaja rech' kak forma kommunika-tivnogo vzaimodejstvija avtora, personazha i chitatelja. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2012, № 3, pp. 98-103. (In Russ.).

Kochetova L.P. Personazh – chitatel': kognitivnye osnovanija hudozhestvennoj kommunikacii. *Kognitivnye issledovaniya jazyka*, 2015, no 21. pp. 160-163. (In Russ.).

Laskova M.V., Zemljanaja A.S. Problema rasskazchika i implicirovannogo avtora v sovremennoj lingvistike. *Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2015, no 1, pp. 176–184.

Sknar G.D. Princip konceptual'nogo vkljuchenija tematiceskogo komponenta kak avtorskaja strategija v hudozhestvennom tekste. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2012, no 3, pp. 131-135. (In Russ.).

Anastasia A. Borovkova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

«Reader – Character» Interaction as a Factor of Realization of Interpersonality Category in a Literary Text

In the process of comprehension and interpretation of a literary text the reader relies on his/her general fund of knowledge. In modern research works covering the problems of text linguistics, this theoretical position becomes the object of much controversy. Most approaches to the analysis of this issue consider the solution of this problem as the implied author and the implied reader, the relevant historical context of production and perception of the narration; with approaches that are developed based on the theory of possible worlds, researchers have focused on a multi-leveled relationship between the real and virtual worlds as part of a literary text; cognitive theories focus on the mental models and schemes of the images that are directly based on the readers' perceptions of everyday language functioning, conceptual systems, objectified in the minds of text addressee.

Within this research it has been examined in detail the judgment made within cognitive theories, according to which the reader's knowledge of everyday reality is a central mechanism for realizing images of characters in a literary text. In this context, it has been discussed the problem of representation and comprehension of images of the characters in a feature story in the aspect of psychological mechanisms of influence on the author's imaginary worlds on the reader's mind, developed in text linguistics the processing model of the reader. We focus research attention on the four aspects of the reader's awareness of the image of the character in a feature story in the light of such pragmatic factors such as the narration situation, the narrative genre and intertextual characteristics. These factors, as we argue, are a kind of conventions, that rely on the author and the reader in the course of establishing interpersonal contact at the level of generation and perception of literary narration.

Key words: *artistic narrative, of interpersonalitly, author, character, reader, imaginary / objective reality, possible worlds.*

Anastasia A. Borovkova – post-graduate student of theory and practice of the English language dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. Phone: +7 904 444 21 40; e-mail: anastasia.borovkova@yandex.ru